
Вокруг села — на север и на запад —
По горным кряжам и болотам топким
Тянулся лес, — а на огни и запах
Из чащи к избам выходили волки.

Здесь пели песни, пили и скучали,
Держали скот, копались в огородах...
Никто не знал куда идут ночами
Гружёные районные подводы...

Весной исчезли староста и егерь,
Оставив бабам страх и кривотолки;
Затем — другие... А в глубоком снеге
Катались волки и жирели волки.

Как сорняки росли худые дети,
И каждый осторожно ждал кого-то...
Никто не знал откуда на рассвете
Ползли назад порожние подводы...

Проходя, заглянуть напрасно
В этот старый тифлисский двор,
Где с три короба врал вихрастый,
Семилетний мой ухажер.

Может, скрипнут тугие ставни,
Гулко прыгнет знакомый кот,
Может быть, сумасброд Евстафий
Вновь колдует среди реторт...

Всё как прежде: балкон, посуда
И провисшие провода.
Только голуби — не оттуда,
Только лестница — не туда...

Подошла, замок открыла.
Здесь она
Просидит на двух могилах
Дотемна
И придёт опять под утро
В серый свет.
Для неё иных маршрутов
Больше нет.
Всё сюда,- подушки, ложки
И ножи,
В этом склепе скоро можно
Будет жить.
Чьими бусами нагружен
Образок?

Почему же ей не нужен
Новый Бог?

ОСЕННИЙ СОНЕТ

Долинный ветер — мягко и с ленцою —
Дарил округе ароматы лоз,
Со звуком ткани, вспоротой о гвоздь,
Гранаты щедро трескались от зноя.

А день спустя, лупя хвостами слепней,
Волы взвалили сочные тюки...
И сад поник в предчувствии тоски,
Неразличимо схожею с последней...

Встревожена внезапностью печали,
Я выбирала из стручков фасоль,
Гитару перестроила на «соль»,
Задумалась о слове, что — Вначале...

Как джем в тазу, вскипал закат багровый.
В конце, наверно, не бывает слова...

ИЗ МОСКОВСКОЙ ТЕТРАДИ

Еще хранят затейливый узор
Молитвенные коврики газонов;
Ещё дожди, не веруя в резоны,
Недолги, как случайный разговор.

На Гоголевском, в сизой полутьме,
Соседствуют, друг друга не тревожа,
Публичность одиночеств осторожных
И нарочитый компанейский смех.

Сгущается туман, едва скользя
По сумеречной липовой аллее,
Ощерясь, львы чугунные чернеют,
Точнее — помесь львов и обезьян.

И нет тоски в чернильных вечерах,
Где по-хозяйски шаря в полумраке,
Красивые московские собаки
Ведут людей на длинных поводках.